

О ЦИКЛИЧНОСТИ И ПЕРИОДИЧНОСТИ ВРЕМЕНИ ТОРГОВЛИ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

С. Б. Сорочан

Сорочан С. Б. Щодо циклічності та періодичності часу торгівлі у ранній Візантії

У статті йдеться про сприйняття торгівлі у Візантійській імперії з погляду певних часових відтинків – сільськогосподарських і навігаційних сезонів, релігійних свят і постів, годин доби тощо, і, відповідно, про її часову регламентацію. „Час купця“ настав у Візантії значно раніше, ніж у Західній Європі, що знайшло свій прояв у відносно вільному розпорядженні часом для торговців і ремісників, які майже не обмежувалися якимись державними приписами, але, швидше, контролювалися вимогами релігійного характеру, церковними догмами, постами.

Ключові слова: Візантія, торгівля, час, циклічність, періодичність.

Сорочан С. Б. О цикличности и периодичности времени торговли в ранней Византии

В статье рассматривается восприятие торговли в Византийской империи с точки зрения определенных временных отрезков – сельскохозяйственных и навигационных сезонов, религиозных праздников и постов, часов суток и т.п., и, соответственно, о ее временной регламентации. „Время купца“ настало в Византии значительно раньше, чем в Западной Европе, что нашло свое проявление в относительно свободном распоряжении временем для торговцев и ремесленников, которые почти не ограничивались какими-либо государственными предписаниями, но, скорее, контролировались требованиями религиозного характера, церковными догмами, постами.

Ключевые слова: Византия, торговля, время, цикличность, периодичность.

Sorochan S. B. On cyclic and frequency time of trading in early Byzantium

The article deals with the perception of trade in the Byzantine Empire in terms of specific time periods - agricultural and navigational seasons, religious festivals and fasts, and days like hours, and, accordingly, its temporal regulation. „Time of the merchant” in the Byzantine Empire much earlier than in Western Europe, which found its expression in a relatively free disposition time for merchants and craftsmen, who are almost not limited to any government regulations, but rather controlled by the requirements of a religious nature, church dogma, post.

Keywords: Byzantine Empire, trade, time, cycles, periodicity.

Принято считать, что для средневекового сознания вообще, а значит для византийского в частности, было характерно полное равнодушие ко времени, к его точному отсчету, измерению, по выражению Марка Блока, „уважению к числу“, поскольку время воспринималось ментальными установками общества лишь как аграрное и церковное (литургическое) и мыслилось достоянием Бога¹. Сутки (греческое *nichthemeron*) делились на часы неодинаковой протяженности, при этом, по церковному времени отсчет их начинался не в полночь, а вечером. Отсюда вечерня, вечер (*vespera, espera, esperinon*) –

время перед заходом солнца, повечерие (*completa hora, completorium, apodeipnon*) – примерно в 21 час, после захода солнца, полнощница (*mesonyktikon*) – полночь, хвалина – около 3 часов пополуночи, утренняя – перед солнечным восходом, час первый (*hora prima, ora prote*) – около 6–7 часов утра, час третий (*hora tertia, ora trite*) – около 9–10 часов утра, час шестой (*hora sexta, ora ekte*) – полдень, час девятый (*hora nona, ora enate*) – около 15 часов дня, после чего суточный круг вновь повторялся². Таким образом, отношение людей ко времени, как заметил О. Р. Бородин, не могло не быть функциональным: его считали так, как того требовал прежде всего ритм общественной жизни³.

Однако в этой жизни было не только „время Церкви“, но, пользуясь выражением Жака Ле Гоффа, и „время купца“⁴. Достаточно открыть, к примеру, „Хронику“ Георгия Монаха, чтобы убедиться, что ранневизантийские источники тоже отразили это понятие – *ora emporia, pragmateuestai, diastema*, даже *rope* – „миг“⁵. Но вот как оно понималось, исчислялось, рассчитывалось, с чем увязывалось, какими свойствами, ритмами наделяло его сознание византийцев, остается не совсем ясным и требует специального изучения, на которое не претендует данная статья, являющаяся скорее еще одной, редкой попыткой выстроить для исследования некоторые собранные на эту тему материалы⁶.

Начнем с общих положений. Сама дефиниция „время“ обозначалась византийцами словом „*chronos*“, синонимом которого или, напротив, прямой противоположностью выступал греческий термин „*kairos*“⁷. Но уже Вальтер Грюмель в своей классической работе по хронологии заметил, что кроме общего понятия суточного времени, зависевшего от движения солнца, дневные и ночные часы имели у римеев отдельный счет с 60-кратным делением каждого часа, но разнились по продолжительности, в зависимости от времени года⁸. Недаром слово „*oro*“ по-гречески означало как „час“, так и „время года“, „месяц“, „сезон“⁹. Положения Юлия Павла, взятые в Дигесты, определяли, что, „согласно римскому обычаю (*more romano*), день начинается в полночь и в следующую полночь заканчивается“¹⁰. Таким образом, для византийцев, сохранившим античные традиции и предписания, день и ночь состояли из 24 астрономических часов. Именно поэтому Прокопий из Газа (ок. 475 – ок. 538 гг.) описал общественные водяные часы (*automata*) своего родного города, как имевшие 12 фигур, которые соответствовали подвигам Геракла и такому же числу часов дневного времени¹¹. Если верить трактату „О церемониях“, на храме Св. Софии механические часы – орологий – имели 24 открывавшиеся и закрывавшиеся дверки, уже в расчете на каждый час суточного времени¹². У римеев было даже понятие минута – „*lepta*“ – „малость“, хотя она не совпадала с современными минутами¹³.

Но продолжительность двух частей суток колебалась в зависимости от времени года, сезонов. Впрочем, представление о последних стало гораздо более четким, „числовым“, в отличие от эпохи античности, когда граница между „основными“ временами года была достаточно условна и часто сдвигалась¹⁴. Иоанн Экзарх, переводя в 893 г. сочинение Иоанна Дамаскина „О православной вере“, написанное в середине VIII в., повторял следующее деление сезонных циклов: весна – с 21 марта до 24 июня; лето – с 24 июня до 25 сентября (продолжительность дня – 15 часов, ночи – 9 часов); осень – с 25 сентября до 25 декабря (день и ночь по 12 часов); зима – с 25 декабря до 21 марта, когда день продолжается 9 часов, а ночь – 15 часов¹⁵. При этом, начало и конец дня римеи связывали с природными феноменами, восходом и заходом солнца, и лишь к концу раннего Средневековья, с X в., отсчет дня стали вести с определенного времени, соответствовавшего примерно 6 часам утра¹⁶. До этого день и ночь делились на 12 частей – часов (*ora*), но это были так называемые сезонные „неравные часы“, „повременные часы“, „часы, соответствующие обстоятельствам“ (*orai kairikai*), поскольку длительность их все равно ситуативно менялась в зависимости от времени восхода или захода солнца и отличались от условных, считавшихся астрономическими, часов (*isemerikai orai*)¹⁷. Поэтому зимой дневные часы были несколько короче летних. Таким образом, 12 дневных часов

(*orai kairikai*) распределялись от восхода до захода солнца, после которых следовали 12 ночных часов, по сути дела, ежеквартально менявшихся по своей продолжительности.

При этом ночное время, согласно римскому обычаю, отсчитывали еще и по двум или четырем сменам стражи (*vigilae*), несшей караул. Так, если верить указаниям „Слова на перенесение мощей преславного Климента“, где подробно рассказывалось об обстоятельствах обретения мощей епископа Климента Римского в Херсоне 30 января 861 г., перенос раки из загородного храма Св. Созонта в монастырскую церковь – „дом Св. Леонтия“ состоялся, когда стемнело и разошлись толпы народа, а именно „в первую же стражу ночи“, что для зимы соответствует времени приблизительно между 20 и 22 часами, если не раньше, учитывая, что в эту пору года день длился от рассвета девять часов и, значит, заканчивался около 17 часов вечера¹⁸.

Исходя из этого деления и понятия „истекшего“, дословно „исполненного часа“ (*ora reperlo mene*), словоупотребление „шестой час“ означал не время между 5 и 6 часами, а время, отсчитываемое от шести полных часов¹⁹. Поэтому выражение „5 часов утра“ византийского источника примерно соответствовало нашим 11 часам²⁰. Фраза „с раннего утра и до 11 часа“ (*emeinen apo eothen eos oras ia*) означала время примерно с 5–6 до 16–17 часов, то есть, до вечера²¹. „Третий час“ (*trite oras*), или три часа дня, означали время около 9 часов: именно в это время осенью 513 г. произошло сражение с кораблями мятежника Виталиана у стен Константинополя, что объясняет слова хронистов о необходимости вести бой после восхода солнца, чтобы под действием его тепла мог воспламениться некий самовозгорающийся порошок – апирон из неочищенной серы, изобретенный для императора Анастасия философом Проклом из Афин²². „Шестой час“ (*oras ektes*) относился к полудню, опять-таки с поправкой на час – другой в ту или иную сторону, в зависимости от сезона (это было время, в которое ромеи привыкли есть), тогда как в „девятом часу“, согласно Житию Св. Евфимия Константинопольского, то есть, примерно в 15–17 часов, звонили в колокола и созывали к вечерней службе²³. Десятый час ночи „в суровое зимнее время“ 25 декабря 820 г. соответствовал примерно 4 утра и последовал после „третьей стражи“, когда перед восходом солнца клир дворца собрался на утреню, как можно заключить из описания Продолжателем Феофана обстоятельств жестокого убийства Льва V Армянина²⁴.

Но чем собственно регламентировалось время, когда речь шла о трудовой деятельности, и в частности, о торговле, особенно внутренней? Разумеется, оно определялось не только движением солнца, сезонными условиями, как естественными природными преградами, но также регламентировалось искусственно, предписаниями и распоряжениями властей – светских и духовных. Это были, прежде всего, предписания Святого Писания, так что в таком сакрализованном, проникнутом религиозными чувствами обществе, как византийское, не всякий правоверный торговец или ремесленник дерзнул бы нарушить Закон Божий ради увеличения своего дохода. На Священное Писание ориентировались и императорские законы подобного рода. К примеру, со времен знаменитого закона Константина I от 321 г. периодически подтверждался запрет изготовлять и продавать товары в дни воскресного отдыха – Господние дни (*kyriake*) и в церковные Господни праздники (*despotike eorte*)²⁵. Очевидно, в такие дни прекращались или, точнее, должны были прекращаться, любые торговые операции на рынках и городская уличная торговля, неизменно процветавшая в иные дни²⁶.

В христианском календаре были семидневная и восьмидневная неделя, но в повседневной жизни предпочтение отдавалось первой²⁷. Причем важно подчеркнуть, что ромеи считали дни недели, начиная с Господнего дня (воскресенья), так что это был первый день, затем следовал второй (понедельник), третий (вторник) и так далее, до Параскеве (пятница) и Савваф (суббота).

Трудовые или служебные соглашения, известные нам, ничего не сообщают о выходных днях ромеев²⁸. Но уже к ранневизантийскому времени восходят попытки государства

добиться действенности закона об отдыхе в воскресные и праздничные дни, которые объявлялись не рабочими²⁹. Во всяком случае, оплате, по закону, подлежали только рабочие дни и только те, которые были пропущены не по вине работника³⁰. Как уже сказано, христианские обычаи, вошедшие в юридическую практику, запрещали торговать по воскресеньям. Исключение делалось лишь для съестных продуктов и для фуража. Именно так было записано в „Законах химьяритов“ – южноаравийских христиан, составленных епископом Грегентием (535–552 гг.) и отражавших практику повседневной жизни крупных ранневизантийских городов³¹. Кроме того, нерабочей, по крайней мере в ранней Византии, считалась, видимо, и суббота, если под ней понимать седьмой день, следующий перед первым днем недели – воскресеньем. Феофилакт Симокатта указывал, что „седьмой день в коловращении семидневной недели“ ромеи почитали „днем отдохновения“ из уважения к святости установления Моисея и старались не заниматься в этот день любыми делами, насколько этому позволяли обстоятельства³². В субботний день, тем более, не работали византийские евреи, соблюдавшие заповеди иудаизма.

Вместе с тем, похоже, до конца IX в., если не позже, выходные воскресные дни не соблюдали, очевидно, не только ромейские крестьяне, но и торгово-ремесленное, предпринимательское, деловое городское население. Отмечая это в новелле LIV, Лев VI писал: „До сего времени в воскресный день некоторые могли и не прекращать своих работ, например, земледельцы [...] Но Мы, руководствуясь заповедями Святых Апостолов, постановляем, чтобы ни земледелец, ни кто-либо другой не занимался в воскресный день делами, этому дню неприличными. Для обычных дел достаточно воспользоваться шестью днями в неделе, а седьмой неизменно нужно хранить, посвящая его Господу и не равняя с другими днями“ (перев. С. Б. Сорочана)³³. В данном случае под седьмым днем, несомненно, понималось воскресенье. Это же решение закрепляла новелла LXXXVIII³⁴. Как показал Спиридон Троянос, всесторонне анализируя новеллу LIV, законодательное обоснование воскресенья, как выходного дня, было связано с целым комплексом гражданских и, особенно, канонических источников³⁵. Но, невзирая на категоричность и определенность этих источников, запрет сочли нужным сохранить и в позднейшем законодательстве, очевидно, по причине продолжавшихся нарушений данного требования властей³⁶. Впрочем, в городах правило на запрет работы в Господень день соблюдалось, видимо, более четко и последовательно, чем в деревне. Во всяком случае, сторонний взгляд китайского путешественника VIII–IX вв. заметил в „Повествовании о западном крае“, что в стране Фолинь ее обитатели, то есть византийцы, „...в течение семи дней отдыхают один день, называемый воскресеньем, в который не выходят торговать“³⁷.

Судя по православному церковному календарю, к VIII в. у ромеев 79 дней были выходными и праздничными, так что рабочих дней оставалось 286³⁸. Но это не значит, что и тут не было исключений. Так, хронист Агнелл сообщал, что в конце VII в., в связи с очередным неурочным крестным ходом, равеннские трактирщики – капоны и мелкие торговцы (*mercatores, nundinatores*) полностью прекращали свои дела³⁹. По словам Михаила Сирийца, когда Юстин II узнал о взятии и разрушении персами важного для ромеев месопотамского пограничного города-кастро́на Дара 15 ноября 573 г., он впал в печаль и в знак траура „...закрыв лавки и прекратил торговлю“⁴⁰. Нужен был случай, связанный с неожиданно нагрянувшим церковным событием, например, переносом мощей некоего широкочтимого святого, или с праздником, вроде дня рождения наследника василевса, чтобы найти вполне приемлемый оправдательный повод для массового невыхода на работу.

Вместе с тем, другие византийские хронисты столь же последовательно отмечали, что торговля в раннесредневековый период обычно велась во время рыночных дней (*agorai, nundinae, phoros enos*), зачастую связанных как раз с церковными праздниками⁴¹. Как правило, любая ярмарка – панигир, хоть местного, хоть трансконтинентального значения, была освящена таким праздником⁴². Кроме того, логично предположить, что

запрет на торговлю в такие дни не распространялся на кирулариев – торговцев свечами и маслом для освещения, которые, в силу специфики своего товара, не могли не торговать „в воскресенье и другие праздники Господни“ (*en kyriake e etera despotike eorte*), поскольку то, что они предлагали, пользовалось повышенным спросом именно в такие дни. На первый взгляд, это противоречит запрету салдамариям, которые торговали продовольствием и хозяйственными товарами, пользующимися постоянным спросом, вести свои дела именно „в воскресенье и другие праздники Господни“, за что нарушители подлежали крупному штрафу в 10 солидов⁴³. Мне представляется неверным считать, что салдамарии обязаны были вообще закрывать свои заведения в такие дни⁴⁴. Книга Эпарха запрещает им лишь торговать „выставленным вне (снаружи) эргастерия“ (*exo tou ergasteriou probolen*) и, значит, подразумевает ведение дела в самой лавке, не покидая ее. Любой, более или менее крупный ромейский город, нуждался в бесперебойном снабжении продуктами и другими товарами широкого, ежедневного потребления. Салдамарии неслучайно не нуждались в выходных и вынуждены были лишь соблюдать видимость приличия такой торговли, дабы она не выставилась напоказ, не выглядела излишне назойливой в неположенный для этого день. Сам принудительный характер правила, подкрепленный силой солидного штрафа, указывает, очевидно, на довольно частые попытки уклоняться от выполнения предписания, что не могло оставлять власти равнодушными. Как ни странно, нарушителей оказывалось немало среди монахов, занятых ежедневным ремесленным трудом, выполнявших определенную норму выработки. О том, что такие работы были выгодны и в них были заинтересованы работавшие, свидетельствуют данные агиографии об иноках, трудившихся даже в воскресные дни⁴⁵. Видимо, оправданием служила ориентировка на заповедь трудиться, одну из основных для монашествующих любых рангов, будь они рясофоры или схимники.

Случалось, что нужда заставляла работать в воскресный день и профессионала – ремесленника. Житие Иоанна Милостивого сообщает о такой практике, хотя, похоже, речь шла лишь о производстве, а не о продаже готовой продукции⁴⁶. Очевидно, наиболее массовыми нарушителями статуса воскресенья, как нерабочего дня, были крестьяне, потому что новелла LIV Льва VI, в очередной раз обосновывавшая необходимость соблюдения воскресенья, требовала неукоснительного выполнения этого закона не только от горожан, но и от жителей деревни. Это значит, что крестьяне сохранили ту практику, которая существовала в VI–VII вв., когда, как утверждает Г. Л. Курбатов, большие деревни и территории у монастырских ворот превращались в местные рынки, активно функционировавшие именно в праздничные и воскресные дни⁴⁷. Такие откровенные нарушения требования законодательства не следует объяснять низким уровнем законопослушания византийской деревни, но видеть причину уклонения в том, что выходные и праздничные дни подчас являлись единственно свободными в цикле сельскохозяйственных работ, связывавших крестьян, когда они могли без ущерба покинуть ненадолго свои хозяйства, чтобы совершить необходимые обмены и покупки, посетить рынки и панигиры⁴⁸. Кроме того, для деревенских жителей торговля не была основным родом занятий, источником существования. Очевидно, они не воспринимали торговые сделки за труд, которым не следовало бы заниматься в Господние дни. В этом случае требование закона и наставления Свв. Апостолов, христианские обычаи не вступали в противоречие с обыденной ментальностью, поскольку крестьяне действительно не выполняли по таким дням своих основных сельскохозяйственных работ, искренне полагая, что остальные „труды“ как бы и не труды, поскольку не имеют к этому прямого отношения. Выверт сознания приходил на помощь для оправдания двойственности отношения к таким дням. Более того, невыполнение запрета на торговлю в воскресные дни в сельской местности давало лазейку для ведения торговли в это время городскими торговцами, которые, как следует из агиографии, могли отправляться для ведения своих коммерческих дел в пригород, на сельские панигиры⁴⁹.

Зато всем официально было дозволено работать в так называемые рыночные дни, то и дело упоминаемые в источниках. Так, Книга Эпарха сообщает о покупке животных, то есть быков, овец, свиней, не позднее рыночного дня⁵⁰. Торговля льняными изделиями и бамбакиновыми одеяниями тоже должна была идти исключительно в рыночные дни – „дни, назначенные для торжищ“ (en panegyrei de lease), „дни рыночных сборов“ (tou phoron arempoleitosan)⁵¹. Эргастии аргиропратов обязаны были работать в „рыночные дни“ (emerai tou phoron), причем Книга Эпарха подчекнуто ссылалась при этом на „старинный обычай“ (ton palaion typon)⁵². Следовательно, действительно нет сомнений в существовании таких точно установленных базарных дней, когда торговля на форах велась особенно оживленно, достигала своего пика⁵³. Функционирование городских рынков и торговых рядов по определенным дням обуславливалось в основном тем, что необходимы были некоторые перерывы для накопления товаров. Причем, едва ли городские рынки Византии в это время могли функционировать чаще, чем два раза в неделю, ибо этот режим не был превзойден даже в позднесредневековой Европе, стоявшей на пороге рождения товарнокапиталистического хозяйства: лишь в XVIII в. „рыночные дни“ стали ежедневными⁵⁴.

Однако „Эпархика“ – предписания для эпарха – сохранили и другие упоминания о днях для „торжищ“ (agoras). В отличие от упомянутых выше, регламентирующих торговлю местных торговцев, эти указания относились также к иногородним купцам и обозначали время, когда эти приезжие торговцы должны были оптом продавать свой товар местным перекупщикам⁵⁵. Книга Эпарха говорит о таком дне, как о „назначенном для торговли данным товаром“⁵⁶, но кто отвечал за такое назначение остается неясным. Хотя распределение купленного происходило под контролем эпарха, который следил за соответствием взноса каждого количеству приобретенного товара⁵⁷, едва ли купцам было удобно, чтобы градоначальник производил назначение дней „торжища“. За информацией о прибытии в город соответствующих импортных товаров удобнее всего было следить старшинам заинтересованных систем, соматей либо киновий, которые, видимо, и оповещали об избранном ими дне закупки эпарха, игравшего в данном случае роль своеобразного контролера и арбитра. Впрочем, сказанное относится к столице, как магнитом притягивавшей разных люд. Видимо, регламентация времени таких торгов с приезжими купцами соблюдалась не всегда и, уж точно, не в каждом ромейском городе, даже крупном. К примеру, в Фессалонике о таких предписаниях ничего не известно. Посещавшие ее рынки иноземные торговцы вели свои коммерческие операции в одно время с местными жителями, не имея никаких ограничений⁵⁸.

Власти пытались упорядочить уличную торговлю, тоже сведя ее к определенным рыночным дням. Во всяком случае, Книга Эпарха указывает, что торговлю льняными изделиями, саванами в рыночные дни (emerai athroismou tou phorou) предписывалось вести не в эргастриях или на прилавках-аваках, а вразнос, неся свои товары на плечах⁵⁹. Едва ли это строго соблюдалось, хотя бы по причине того, что для уличной торговли повседневными товарами не требовался значительный перерыв во времени для накопления товара. Разумеется, такое положение не могло не создавать известную конкуренцию рынкам, функционировавшим реже.

Эргастии – лавки, мастерские, питейные заведения тоже должны были работать более регулярно, ритмично, поскольку их владельцы были заинтересованы в столь же регулярном получении кердоса – дохода, в котором, при всех оговорках, заключался смысл предпринимательской деятельности⁶⁰. Известно, что в средневековом английском городе лавочная торговля начиналась с семи часов утра после утренней церковной службы и продолжалась до трех часов дня, когда звон городских колоколов объявлял о прекращении работы и торговли. Звон же колокола в девять часов вечера зимой и в десять часов летом был сигналом к тушению огня⁶¹. Контроль за временем здесь входил в обязательную практику цехового принуждения. Насколько схожей с этой была обстановка ромейского города эпохи раннего Средневековья?

Судя по нарративным источникам, к примеру, свидетельству агиографа Леонтия, епископа Неаполя Критского (конец VI в. – 668 г.), ромеям было известно понятие „открыть лавку для торговли“ (anoigo)⁶². Но, похоже, для разных категорий лавочников оно было разным. А. Н. Марченко и А. З. Нюркаева, ссылаясь на статью о капилосах из Книги Эпарха, полагали, что „у корчмарей даже по праздникам рабочий день длился 12 часов“ и продолжительность каждодневного труда представителей других корпораций была близка к этому⁶³. Действительно, эргастии капилосов, где продавали вино, могли быть открыты для посетителей „со второго часа дня до второго часа ночи“ (deuteras oras tes emeras en de tais nyxin ama to ten deuteran), то есть, приблизительно с шести-восьми утра до шести-восьми вечера в зависимости от времени года, что соответствует продолжительности светового дня⁶⁴. Однако, надо обязательно учитывать, что запрет открывать эргастии капилосов и продавать вино „до второго часа дня“, равно как и „тушить жаровни“, то есть прекращать работу „по ночам вместе со вторым часом“ относилось только к „великим праздникам и воскресеньям“ (megistais ton eorton e kyriakais)⁶⁵. Видимо, это объяснялось стремлением властей ограничить посетителей питейных заведений, которые готовы были проводить в них не только день, но и ночь в беспробудном пьянстве, когда под влиянием выпитого они могли совершать разные безобразия и бесчинства. Расчет был на то, что гуляющий, праздный люд, как говорится в источнике, „часто принимавший вино“, уходя и возвращаясь в капилеи вновь, будет иметь подогретое вином желание „дерзко биться в драках и подвергаться насилию и раздорам“⁶⁶. В прочие трудовые дни подобные „загулы“, очевидно, были менее массовыми и поэтому столь жестко не ограничивались по времени торговли, равно как не ограничивались в этом и прочие торговцы, ремесленники, менялы. На несоблюдение предписания, либо на его отсутствие, до редакции Книги Эпарха при Льве VI Мудром, указывает и наблюдение вышеупомянутого китайского автора о стране Фолинь, жители которой именно в выходные дни „пьют до глубокой ночи“, что никак не ограничивается наступлением сумерек, семью-восемью часами вечера⁶⁷. Само предписание Книги Эпарха наводит на мысль, что, поскольку капилосам не разрешалось в своих эргастиях продавать вино до позднего времени дня, точнее, „до вечера“ (orpe) в большие праздники и воскресенья, они пытались делать это по утрам таких дней до разрешенного времени открытия питейных заведений, то есть до начала „второго часа дня“. Во всяком случае, в поздней Византии уже можно было пьянствовать ночи напролет⁶⁸, и режим работы эргастийев виноторговцев, видимо, стал этому соответствовать, невзирая на спорадические попытки ввести ограничения. Так, Константинопольский патриарх Афонасий I (1289–1293, 1303–1309 гг.) попытался навести порядок, закрыть эти заведения уже с субботнего вечера, дабы избежать безобразных попок, кутежей и пополнить ряды прихожан в храмах, но запрет не пережил Патриарха⁶⁹.

Тем более строго не придерживались запретов в провинциальных ромейских городах. Так, в позднеантичной Александрии продажа вина велась в питейных заведениях во все дни с самого раннего утра, когда капилеи (kapeleia) одолевали завсегдатаи, подчас горькие пьяницы, среди которых встречался самый разный люд, даже опустившиеся, спившиеся монахи⁷⁰. Это совсем не соответствует духу распоряжений префектов города Рима конца 60-х гг. IV в., когда, согласно сведениям Аммиана Марцеллина, предписывалось, чтобы „...раньше четвертого часа (около 9 утра – С.С.)“ не только не открывались питейные заведения, но даже никто из простых людей не согревал воды для напитка, торговцы съестным не вели торговлю, так что „никакой порядочный человек не позволял себе есть на улице“⁷¹. С этой точки зрения, городская жизнь, по крайней мере не в столице, стала более свободной, а, может быть, и была такой всегда. Ливаний не раз указывал в своих речах, что в Антиохии IV в. не было таких ограничений на торговлю: „день ничем не преобладает над ночью, но в тот и другой все налицо в одинаковом изоби-

лии“; так что совсем не исключением смотрится антиохийский торговец, который „... чуть свет открывает лавку и принимается высматривать покупателя“⁷².

Зато на улицах ночного ромейского города раннесредневековой поры всякая жизнь действительно замирала, и не успевшие к этому времени попасть в город либо коротали ночь у запертых городских ворот, как это случилось с Василием Новым, святым подвижником конца IX – первой половины X в., вынужденного спать у Золотых ворот столицы⁷³, либо в лучшем случае искать оставшуюся незапертой калитку в городских стенах, как повествует Житие Феодора Эдесского, написанное племянником святого, Василием, епископом Эмесским во второй половине IX в.⁷⁴ Тем более, ночью не должны были функционировать питейные и иные увеселительные заведения, публичные дома с порни. За нарушение режима пользования ими виновные могли быть арестованы ночной городской стражей – виглой, несшей охрану периметра города, или керкетой – стражей эпарха, которая регулярно совершала обход спящего города, а в случае дебоша, учиненного пьяницами, могла их забрать с собой в преторий и безжалостно высечь, как это случилось с загулявшими молодыми повесами, что, припозднившись с возвращением после „второго часа ночи“ (*deuteras oras tes niktos*), шумели и буйствовали на улицах столицы времен правления Льва VI⁷⁵. Тем более, как следует из „Эпархики“, такое наказание вкупе с острижением и изгнанием из корпорации, могло ждать и нерадивого капилоса, видимо, не только за незаконное увеличение квартирной платы съемщика или пользование не клейменными питейными мерными сосудами, но и не выпроваживающего вовремя из трактира своих загулявших хмельных посетителей⁷⁶.

Куда больше ограничений на время торговли накладывали требования религиозной жизни, особенно актуальные в такой христианской стране как Византия. Кроме светских законов, оно должно было регулироваться законами Божьими, авторитетом Священного Писания, который к VI–VII вв. стал непререкаемым. Библия же вводила ограничения на употребление в пищу тех или иных продуктов питания, что отражалось и на торговле ими. Руководствуясь христианским обычаем, провотэмпорам предписывалось вести торговлю убойным скотом только до первого дня Великого поста (*Apokreas*), тогда как баранов и ягнят продавать от Пасхи и до Троицы⁷⁷. В течение 40 дней от начала Великого поста до Пасхи, в Святую Четвередсятицу (*Agia Tessarakoste*), торговля мясом замирала, а остальные 50 дней, напротив, возрастала за счет расширения ассортимента продовольственных продуктов. Таким образом, дело было не в сезонности продажи мяса, как полагал М. Я. Сюзюмов: с наступлением поста, даже без официального объявления, торговля мясом свертывалась⁷⁸. Боязнь согрешить, видимо, пересиливала соблазн, так что даже императорские распоряжения, в исключительных случаях разрешавшие торговлю мясом ввиду стихийных бедствий, острой нехватки основных продуктов питания – хлеба и вина, и поэтому отодвигавшие начало поста на небольшой срок, не могли оживить ее, ибо покупатели в „разрешенную неделю“ все равно предпочитали воздерживаться от употребления скоромного. Даже голод не мог заставить верующих воспользоваться возможностью, предоставленной царским повелением. Об этом сообщает Иоанн Малала, которому вторит Феофан Исповедник, не забывший такого колоритного исторического казуса: „мясники кололи скотину и продавали, но никто не покупал и не ел мяса“⁷⁹. Если за этим эпизодом из времен Юстиниана I (538 г.) и стоит показное, назидательное стремление церковных хронистов выдать желаемое за действительное, в основе своей рассказ достоверен и отражает прочные позиции, которые заняли такие религиозные запреты в Византии уже с VI в.

Получается, что больше всего нерабочих дней было у мясников, поскольку в православном христианском календаре около 200 дней занимали нистии – посты, достаточно строго соблюдавшиеся благочестивыми, верующими ромеями. Торговля мясом не могла идти не только по воскресеньям, но и по средам и пятницам, когда надлежало вспоминать о страданиях и смерти Христа⁸⁰; к этому, со временем, добавились крещенский сочельник, день усекновения головы Иоанна Крестителя, праздник Воздвиже-

ния креста Господня, Петров Пост (22 июня – 11 июля) – накануне праздника апостолов Петра и Павла (12 июля), Успенский пост (14–27 августа) – накануне празднования Успения Пресвятой Богородицы (21 сентября), Рождественский пост (28 ноября – 6 января) – перед Рождеством Христовым и, самое главное, изначальное – в течение семи недель Великого поста до Пасхи. Таким образом, многодневные посты достигали 121 дня и, значит, в общей сложности треть года была исключена из торговли мясом и другими скоромными продуктами. С этой точки зрения, самая бойкая распродажа свежатины начиналась на Чистый четверг и на разговенье, после пасхальной заутрени, то есть, почти на пасхальное воскресенье. Леонтий Неапольский косвенно намекал на это, отмечая: „Когда начинался Великий пост, Симеон не вкушал ничего до страстного четверга, а в четверг утром шел к пирожнику и наедался“⁸¹.

Во время Святой Чтередесятницы нельзя было оскоромиться и иным образом, например, изготовляя мыло из животного сала⁸², хотя сама продажа такого готового мыла в это время не возбранялась. Трудно также представить, чтобы в лавках торговцев продуктами – салдамариев или пантополов – дословно „торгующих всем“, что были разбросаны по всему городу, прекращали торговлю солониной и колбасой⁸³, каждый раз убирая эти товары с глаз покупателей. Желающий оскоромиться, не соблюдающий по той или иной причине пост, мог найти такого рода еду и в распивочных капилов, где жарили мясо, подавали мясные закуски.

Напротив, торговля рыбой и продуктами из нее приобретала в период поста наибольший размах, тем более, что на весну, а затем, на осень, приходилась рыбная путина и начинался ее массовый отлов⁸⁴. В Житии Андрея Юродивого сообщается об особенно широкой весенней продаже рыбы в Константинополе, когда в заливы у его берегов заходило много разной рыбы, в том числе ценных сортов⁸⁵.

Что касается эргастриев, то их было принято закрывать к ночи, когда пустели улицы города. Сребродел-меняла, о котором говорится в одном из рассказов „Лимонаря“ Иоанна Мосха, написанного в 619–622 гг., не хотел покупать драгоценный камень у принесшего его человека только потому, что „дело было вечером, уже пришло время закрывать лавку“, и сделал это лишь после долгих уговоров и торга⁸⁶. Очевидно, продолжали до глубокой ночи работать эргастрии тех трапезитов, которые, убрав с улиц свои „столы“ – прилавки, тем не менее, не закрывали двери своих жилищ. Именно к такому меняле отправился в полночь преподобный Маркиан Эконом из рассказа Симеона Метафраста, когда ему потребовалось разменять золото на мелочь, предназначенную для раздачи по ночам беднякам⁸⁷. Стоит заметить, что потребность в „ночных менялах“ объяснима только в случае ведения денежных, а значит, и торговых операций даже в самое позднее время.

Очевидно, допоздна не закрывались константинопольские книжные лавки – политиры, располагавшиеся в портиках Большого дворца, поскольку собиравшимся там посудачить на „ученые“ и „божественные темы“ случалось устраиваться посидеть не только днем: Агафий Миринейский отмечает, что некоторые из них „...постоянно собираются вместе поздно вечером после попойки и неводержанности“, так что разгоравшиеся между ними споры легко перерастают в шумные оскорбления⁸⁸. Видимо, эргастрии, как и некоторые частные бани (loutron), работали с самого раннего утра до позднего вечера, даже невзирая на то, что в это время почти не было посетителей⁸⁹.

В принципе, любой свободный ромейский мастер или торговец-„индивидуал“ мог работать сколько ему вздумается над производством и реализацией своего товара, отдавая этому и день, и ночь, как это было с константинопольским сапожником Захарием, героем одного из синаксарных житий, сложенного не позднее IX в. и, значит, отражавшего повседневную практику и ментальные установки ранневизантийского ромея⁹⁰. Ливаний тоже упоминал о ночной работе антиохийских ремесленников⁹¹. Есть и другие свидетельства такого рода, отмечаемые византинистами⁹².

Таким образом, напрашивается итоговый вывод, что „время купца“ наступило в Византии гораздо раньше, чем в Западной Европе. Стихия суточной торговли здесь, если и регулировалась законодательством, предписаниями, то скорее требованиями религиозного характера, церковными догмами, постами. Прочие временные рамки суточной торговли были весьма расплывчаты и не категоричны и в целом вмещались в положение „от рассвета до заката“, однако видеть в этом индифферентное отношение ко времени не приходится.

Большая же часть товарной продукции Византии была связана с сельскохозяйственным производством, и, значит, как выпуск, так и реализация продукции тоже были связаны с календарем сельских работ. Расцвет навигационного сезона, обеспечивавшего морскую торговлю и водные перевозки грузов, тоже приходился на весну – лето – раннюю осень. К осени же собиралось большинство панигиров – ярмарок⁹³. Все это обуславливало известную цикличность византийской торговли в масштабах Империи. Она пробуждалась к активной жизни в середине весны, достигала своего апогея в осенний период и успокаивалась к зиме, протекая тихо и плавно, на уровне обмена товарами местного производства, до следующей весны.

Ведение торговли в Империи воспринималось с точки зрения определенных интервалов, дней, часов и регламентировалось во временном отношении. Причем, даже в онтологическом смысле само понятие времени, как категории числовой единицы в Византии, было общепринятым⁹⁴. Соблюдавшаяся периодичность в открытии и закрытии различных мест, точек торговли была обусловлена как естественными, так и искусственными ограничениями, направленными на упорядочение жизни горожан. Для некоторых видов торговли ограничения вводились для довольно длительного отрезка времени, другие ограничивались днями, сутками, третьи – часами. Хотя нарушения режима работы карались денежными штрафами и телесным наказанием, они не могли покончить с имевшими место отклонениями от официальных предписаний, особенно в отношении запрета торговли в воскресные, праздничные и не рыночные дни, которых набиралось не менее трех-четырех в неделю. Во многом система регламентации времени работы была обусловлена интересами самих ромейских торговцев и их профессиональных объединений, искавших всевозможные лазейки для уклонения от принятых обычаев, постановлений, дабы продлить как можно дольше время, официально отведенное для предпринимательской деятельности, торговли, ремесла. Ранняя Византия и тут шла своим особым путем, не похожим на остальной мир. Если это так, тогда выходит, что пресловутая узость средневекового рынка и опасность конкуренции в таких условиях не особенно пугала византийских производителей и торговцев. Чем это объяснить, уже другой вопрос.

¹ Блок, М. Феодальное общество. – В: Блок, М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986, 136–138; Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, 164–168, 170–171, 359; Добиаши-Рождественская, О. А. *Opletum oppidum est solaris* (По вопросу о часах в раннем Средневековье). – В: Добиаши-Рождественская, О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987, с. 14.

² Ле Гофф, Ж. Указ. соч., с. 167; Бибииков, М. В. Час в Византии: астрономический, литургический и мифологический. – АДСВ, вып. 39, 2009, с. 74, 83; ср.: Арранз, М. Как молились к Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского евология. Л., 1979; Времяисчисление. – В: Христианство. В 3 т. Т. 1. М., 1993, с. 384; Суточный круг церковного богослужения. – В: Православие. Настольная книга верующего: Обряды. Святости. Молитвы / Сост. А. Ю. Костин. М., 2008, 42–44.

³ Бородин, О. Р. Человек и время. М., 1991, с. 22.

⁴ Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье. Екатеринбург, 2000, 36–48.

⁵ Истрин, В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / Текст исслед. и словарь. Петроград, 1920. Т. 1: текст, с. 96. 1; 340. 22; 454. 22; 519. 1.

⁶ Ср.: Grumel, V. *La chronologie*. Paris, 1958, 161–235; Sharf, A. *The Eighth Day of the Week*. – В: *Kathegetria: Essays Presented to Joan Hussey for her 80th Birthday*. Camberley, Surrey, 1988, 27–50;

Kazdan, A. Time. – The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3, 2085–2086; Домановский, А. Н. О регулировании суточного времени торговли в Византии IV–IX вв. – В: Средневековая Европа: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции „Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков“ / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2006, 77–79; Бибииков, М. В. Онтология времени в Византии. – В: Время в координатах истории. Тезисы международ. науч. конференции / Отв. ред. М. С. Бибииков. М., 2008, 84–86; *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008, 31–37; Бибииков, М. В. Час в Византии..., 71–85.

⁷ Kazdan, A. Op.cit., p. 2085.

⁸ Grumel, V. Op.cit., 163–164.

⁹ Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст., прим. Я. Н. Любарского. М., 1978, с. 288, прим. 22; Бибииков, М. В. Указ. соч., с. 72.

¹⁰ Digesta / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger. – Corpus juris civilis. Ed. stereotypa undecima. Berolini, 1908, vol. 1, II. 12. 8.

¹¹ Бибииков, М. В. Указ. соч., с. 73.

¹² *Constantini Porphyrogeniti De Ceremoniis aulae byzantinae* / Rec. I.I. Reiske. Bonnae, 1829, vol. 1, p. 14. I. 12.

¹³ Подр. см.: Бибииков, М. В. Указ. соч., 78–82.

¹⁴ Ср.: Карпюк, С. Г. Времена года в хронологии Фукидида. – В: Время в координатах истории / Тезисы международ. науч. конференции / Отв. ред. М. С. Бибииков. М., 2008, с. 67.

¹⁵ Из „Богословие (Небеса)“ на Иоан Екзарх. – Кристанов, Цв., Дуйчев, И. Естествознание в средновековна България. Сборник от исторически извори. С., 1954, 66–69.

¹⁶ Grumel, V. Op.cit., 164–165.

¹⁷ Византийская книга Эпарха / Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 247; Бибииков, М. В. Указ. соч., с. 74.

¹⁸ Сорочан, С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005, ч. 2, с. 1470 (гл. 11), коммент. 1137.

¹⁹ Бибииков, М. В. Указ. соч., с. 74.

²⁰ Чудеса Св. Димитрия Солунского. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995, с. 150 (собрание II, чудо 4. 245).

²¹ Пасхальная хроника. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995, с. 76.

²² Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Dindorf. Bonnae, 1831, 403–406; Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги 1–6 / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож., указатели И. В. Кривушина. СПб., 2006, 497–499; Иоанн Никиусский. Хроника. – Евагрий Схоластик. Указ. соч., с. 561.

²³ *Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio* / Ed. I. D. Mansi. Florentiae, 1763, т. 12, col. 991 В (Theoph. a. 6278); Vita S. Euthymii / Ed. P. Karlin-Hayter. – Byzantion. 1955–1957. Т. 25–27. Fasc. 1, p. 62, 35–37.

²⁴ *Theophanes continuatus*. – Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus. Bonnae, 1838, 39–40; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992, 20–21 (I. 25–26).

²⁵ *Corpus juris civilis*. Berolini, 1895, vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger, III. 12. 2 (3); *Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833, т. I (Lib. I–XII), VII. 17. 19; *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt*. – Ius graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, vol. 3, 147–149 (nov. 54); Византийская книга Эпарха, XIII. 3; Норвич, Дж. История Византии. М., 2010, с. 23.

²⁶ О структуре таких мест торговли см.: Сорочан, С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001, 57–228.

²⁷ *Επιστολία ο οδωλε* (Christi epistola de die dominia). – *Anecdota graeco-byzantina*. Pars 1 / Coll. dig. rec A. Vassiliev. M., 1893, 23–32; подг. см.: Sharf, A. The Eighth Day of the Week, 27–50.

²⁸ См.: Фихман, И. Ф. Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII вв. М., 1965, с. 102.

²⁹ *Corpus juris civilis*. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger, II. 12; III. 2; III. 12. 2 (3).

³⁰ Digesta / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger. – Corpus juris civilis. Ed. stereotypa undecima. Berolini, 1908, vol. 1, XIX. 2. 38.

³¹ Gregentii episc. Tapharensis Homeritarum leges (Nomoi ton Omeriton). – PG, Turnholt, 1976, т. 86 A, col. 567–620, § 27.

³² *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, II. 2. 6–7; Феофилакт Симокатта. История. М., 1996, 36–37.

³³ *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt.* – Ius graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, vol. 3, 147–149; *Les Nouvelles de Leon VI le Sage.* Texte et traduction publiées par P. Noailles et A. Dain. Paris, 1944, nov. LIV; *Тяжелов, А.* Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876, 108–109.

³⁴ *Les Nouvelles de Leon VI le Sage.* Texte et traduction publiées par P. Noailles et A. Dain. Paris, 1944, nov. LXXXVIII.

³⁵ *Troianos, Sp. N.* I miktigami kata tous ierous kanonas. – В: *Ekklesiastikos Pharos.* Athenai, 1980, 113–127.

³⁶ *Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833. Т. 1 (Lib. I–XII), VII. 17. 19.

³⁷ *Бичурин, И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. Л. – М., 1950, с. 331.

³⁸ Полный месяцеслов Востока. 2-е изд., испр., доп. Владимир, 1901. Т. 1: Восточная агиология архиепископа Сергия с обзором по агиологии и источников, 20–21; *Марченко, А. Н., Нюркаева, А. З.* Этика труда по Книге Эпарха. – В: *Античность и Средневековые Европы.* Пермь, 1994, с. 181.

³⁹ *Agnelli qui et Andreas Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis.* – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum / Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae, 1878, p. 362.

⁴⁰ *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199)* / Editee pour la premiere fois et traduite en francais par J.-B. Chabot. Paris, 1901, т. 2, p. 287, sec. X; *Михаил Сириец.* Хроника. – *Евагрий Схоластик.* Указ. соч., с. 602.

⁴¹ *Черноусов, Е.* Сирийский источник по истории Византии. – ВВ, т. 25, 1927, с. 26.

⁴² См.: *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., 312–328.

⁴³ *Византийская книга Эпарха*, XIII. 3.

⁴⁴ Там же, с. 218.

⁴⁵ *Архиепископ Феодосий.* Палестинское монашество в IV–VI века. Киев, 1899, с. 102; *Steinmetzer, F.* Arbeitszuhe. – В: *Reallexikon für Antike und Christentum.* Sachwortebuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt / Hrsg. von Th. Klauser. Stuttgart, 1959, Bd. 4, col. 593.

⁴⁶ *Leontios von Neapolis Leben des heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien* / Hrsg. v. H. Gelzer. – Sammlung ausgewählter Kirchen- und dogmengeschichtlichen Quellenschriften von G. Krüger. Freiburg im / Br.; Leipzig, 1893, Heft 5, sec. XLIV A.

⁴⁷ *Курбатов, Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971, с. 36.

⁴⁸ См.: *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., с. 317, 322–323, 326–327.

⁴⁹ Там же, 326–327.

⁵⁰ *Византийская книга Эпарха*, XXI. 5.

⁵¹ Там же, IX. 2; 7.

⁵² Там же, II. 3.

⁵³ *История Византии.* В 3 т. Т. 2. М., 1967, с. 138.

⁵⁴ Ср.: *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 2: Игры обмена. М., 1987, 13–14, 18.

⁵⁵ *Византийская книга Эпарха*, V. 3; 5; VI. 8; 9; VII. 4; X. 2.

⁵⁶ Там же, X. 2.

⁵⁷ Там же, V. 3.

⁵⁸ *Наследова, Р. А.* Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X вв. по данным Иоанна Камениаты. – ВВ. Т. 8. 1956, с. 84.

⁵⁹ *Византийская книга Эпарха*, IX. 7.

⁶⁰ Подр. о кербосе и его размерах см.: *Сорочан, С. Б.* О торгово-ремесленных доходах и их размерах (попытка понятийного и квантитативного анализа). – В: *Сорочан, С. Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998, 368–428.

⁶¹ *Salusbury, G. T.* Street Life in Medieval England. Oxford, 1948, p. 185.

⁶² *Leontis Cyprotrum Episcopi Vita Sti Symeoni Sali.* – PG, 1860, т. 93, col. 1740 B.

⁶³ *Марченко, А. Н., Нюркаева, А. З.* Этика труда по Книге Эпарха, 180–181.

⁶⁴ *Византийская книга Эпарха*, XIX. 3; *Домановский, А. Н.* О регулировании суточного времени торговли..., с. 77.

⁶⁵ *Византийская книга Эпарха*, XIX. 3.

⁶⁶ Там же, 3; *Безобразов, П. В.* Очерки византийской культуры. Петроград, 1919, с. 158.

⁶⁷ *Бичурин, И.* Указ. соч., с. 331.

⁶⁸ *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1835, p. 514.

⁶⁹ *Zachariae a Lingenthal C. E.* Ius graeco-romanum. Novellae constitutiones. Lipsiae, 1857, т. 3, p. 631. 7; *Барабанов, Н. Д.* Пастырь и паства. Отношения константинопольского патриарха Афонасия I и жителей византийской столицы в контексте проблемы „народной религиозности“. – В: СТРАТНГОС. Сб. статей в честь В. В. Кучмы / Отв. ред. С. Н. Малахов. Армавир, 2008, с. 25.

- ⁷⁰ *Palladius Helenopolitanus Lausiaca*. – PG, 1860, т. 34, col. 1082.
- ⁷¹ Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1907, вып. 2, 28. 4. 4.
- ⁷² Ливаний. Речи / Пер. с греч., прим. С. Шестакова. Казань, 1912, т. 1, XI. 171; 257–258; 268; XVIII. 136; XXV. 3; Домановский, А. Н. Указ. соч., с. 79.
- ⁷³ Вилинский, С. Г. Житие Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты. – В: Записки Новороссийского университета. Историко-филологический факультет. Т. 6. Одесса, 1911, с. 289.
- ⁷⁴ Помяловский, И. В. Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Едесского. – Записки СПб. ун-та. Историко-филологический факультет. 1892, ч. 29, § 78.
- ⁷⁵ *Nicephori presbyteri Constantinopolitani Vita Sti Andrea Stulti* (Sali). – PG, 1863, т. 111, col. 649.
- ⁷⁶ Ср.: Византийская книга Эпарха, XIX. 2; 4.
- ⁷⁷ Византийская книга Эпарха, XV. 4.
- ⁷⁸ Ср.: Византийская книга Эпарха, с. 65.
- ⁷⁹ *Ioannis Malalae Chronographia* ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831, р. 482; Летопись Византийца Феодана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, пред. О. М. Бодянского. М., 1884, с. 173.
- ⁸⁰ В постные среду и пятницу ромен не посещали даже баню. В шестом вопросе болгар к Папе Николаю I в 866 г. содержится намек на это, ибо спрашивающие утверждали, что греки не ходят в баню именно в эти дни (*nullo modo in quarta et sexta feria balneari debeatis*) (Допитвания на болгарите до папа Николай I през 866 година. – Кристанов, Цв., Дуйчев, И. Естествознание в средновековна България. Сборник от исторически извори. С., 1954, с. 48).
- ⁸¹ Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неполы Критского (ок. 641–648 гг.). – Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. М., 1972, с. 75.
- ⁸² Византийская книга Эпарха, XII. 8.
- ⁸³ Ср.: Византийская книга Эпарха, XIII. 1.
- ⁸⁴ Ср.: Кадеев, В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. Харьков, 1970, с. 6.
- ⁸⁵ *Nicephori presbyteri Constantinopolitani Vita Sti Andrea Stulti* (Sali). – PG, 1863, т. 111, col. 1109, 1128.
- ⁸⁶ Иоанн Моск. „Луг духовный“. – Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. М., 1972, 51–52.
- ⁸⁷ *Symeoni Logothetae Metaphrastae Vita Sti Marci*. – PG, 1864, т. 114, col. 449.
- ⁸⁸ Агафий. О царствовании Юстиниана / Вступ. ст., пер., прим. М. В. Левченко. М., 1953, с. 64 (II. 29).
- ⁸⁹ *Miracula S. Artemii* (*Diegesis ton thaumaton tou agiou... Artemiou*). – *Varia graeca Sacra*. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков / Изд. А. Пападопуло-Керамевс. Записки имп. СПб. ун-та. Историко-филологический факультет. 1909, ч. 95, с. 26.
- ⁹⁰ *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano* / Ed. Hipp. Delehay. – *Acta Sanctorum*. Novembris ad Acta Sanctorum Propylaeum. Bruxelles, 1902, col. 232–233.
- ⁹¹ Ливаний. Речи, XI. 268; XXV. 36.
- ⁹² Сюзюмов, М. Я. Ремесло и торговля Константинополя в начале X в. – ВВ, 1951, т. 4, с. 19.
- ⁹³ Подр. см.: Сорочан, С. Б. Указ. соч., 312–332.
- ⁹⁴ Бибииков, М. В. Онтология времени в Византии..., с. 85; ср.: *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*, 31–37.